

Женщина на кровати крепко зажмурилась, волосы её поседели, а лицо было лишено кровотока, вид у неё был крайне измождённый.

Цзи Учжоу переложил посох Ваньлин в левую руку и, встав рядом с Лу Цы, сказал:

— Держись.

Лу Цы послушно ухватился за посох. Цзи Учжоу не разжал пальцев и, обернувшись, спросил:

— Готов?

Лу Цы не знал, к чему нужно готовиться, и неожиданный вопрос вызвал у него лёгкое напряжение, но он сделал вид, что спокоен, и кивнул.

Цзи Учжоу усмехнулся. Когда он повернулся обратно, рука, державшая посох, скользнула вниз и едва коснулась большого пальца Лу Цы, словно успокаивающе погладив.

Через мгновение посох Ваньлин, который они держали вместе, остался неподвижен, но серебряные колокольчики на его верхушке начали медленно вращаться вокруг древка.

По мере того как вращение ускорялось, звон колокольчиков становился всё чаще и гуще, словно камень, брошенный в воду, вызывал видимые глазу круги звуковых волн.

Волны расходились от посоха во все стороны. Когда они коснулись тела женщины на кровати, словно водоворот вытянули из неё длинную серебряную нить света. Эта нить вращалась вместе с волнами, сплетая на стенах комнаты огромную световую сеть.

Как только сеть сформировалась, всё вокруг, включая женщину на кровати, начало искажаться и дрожать, как отражение в воде, постепенно меняя форму. Вскоре перед ними предстала совершенно иная картина.

Это по-прежнему была спальня, но явно не та, в которой они находили до этого.

Комнатка была узкой и тесной, с очень убогой обстановкой, словно в доме бедняков.

На кровати у стены, прислонившись подушками, сидела молодая версия той же женщины. Рядом с ней сидел седой лекарь, прощупывающий ей пульс. Молодой господин молча стоял сбоку, и на его лице читалось лёгкое беспокойство.

Недалеке от кровати стояла старая деревянная колыбель, в которой сидел худой, желтоватый малыш, гремя погремушкой.

Лу Цы посмотрел на себя, потом обернулся к Цзи Учжоу и обнаружил, что они с ним не изменились. Трое людей у кровати, похоже, их не замечали.

Цзи Учжоу, словно зная его мысли, объяснил:

— Это сцена из её памяти. Люди в памяти не видят нас и не слышат наших слов.

Лу Цы кивнул и продолжил смотреть на тех троих. В этот момент лекарь поднялся и, поклонившись молодому господину, с улыбкой сказал:

— Поздравляю, ваша супруга в положении.

К удивлению, при этих словах лица господина и его жены на мгновение застыли. Радости на них не было, лишь растерянность.

Однако господин быстро выдавил неловкую улыбку, вытащил из рукава деньги и сунул их лекарю:

— Благодарю за труды.

Когда лекарь ушел, господин вернулся, сел на край кровати и, помолчав с женой, тяжело вздохнул. Взяв её за руку, он произнес:

— Ничего, выход найдется.

Жена горько усмехнулась, повернув голову к колыбели:

— Одним прокормить уже едва сводим концы с концами, какой уж тут выход?

Господин, казалось, хотел что-то сказать, но открыл рот и снова закрыл, опустив взгляд.

Жена поглядела на него, вздохнула и отвернулась в сторону:

— Ты говорил раньше, что у хозяина Суня с женой детей нет, и они хотят усыновить...

— Нет! — резко прервал её муж. — Если отдадим, как потом сможем забрать обратно?

Жена, видимо, вспылила и резко обернулась:

— А если и не вернется? Все же лучше, чем оставить его у нас и дать умереть с голоду?

Муж потерял дар речи, лицо его то краснело, то бледнело, и он опустил голову.

Жена, видно, почувствовала, что перегнула палку, и смягчила тон:

— Какая мать легко отдаст родное дитя? Мне тоже не хочется. Но лишь бы он был сыт, одет и рос в безопасности — это главное. Невмоготу, а придется.

Муж не мог возразить, но все же не сдавался, стиснув зубы, промямлил:

— Подождем... родится, потом видно будет. Я в ближайшие месяцы поищу еще работы, может... может тогда и прокормим.

В его голосе не было уверенности, но жена не стала его компонировать, лишь кивнула:

— Хорошо.

Сцена поплыла, стала размытой, а затем снова прояснилась.

Прошло несколько месяцев. Действие по-прежнему происходило в той же комнате.

Ребенок уже родился, а семья по-прежнему жила в нищете.

Молодой муж сидел на кровати, прижимая к себе маленький сверток, и, склонившись, щекотал младенца. Тот хихикал, и лицо мужа озарилось детской радостью.

Жена, которая недавно родила, лежала в постели и смотрела на мужа с ребенком. Казалось бы,

идиллическая картина, но выглядела она озабоченной.

Она перевела взгляд на потолок, терпела-терпела, но наконец решилась разрушить это тепло:

— Сейчас и госпожа Сунь беременна. Даже если мы захотим отдать ребенка, они, возможно, уже не возьмут.

Муж застыл, улыбка медленно сползла с его лица. Он моргнул, словно приняв решение:

— Может быть... не будем отдавать его?

Жена, слышавшая такое уже не раз, нахмурилась, зажмурилась и глубоко вздохнула:

— Ты думаешь, я хочу отдавать? Разве мне легко видеть, как чужие забирают моего ребенка? Но мы...

— Я не то хотел сказать, — поспешно перебил её муж, нерешительно поясняя. — Я имел в виду... не отдавать его в чужую семью. А... отправить его в Тайную обитель Цанлин?

Лу Цы широко распахнул глаза, пальцы, сжимавшие посох, сжались сильнее, а сердце забилося чаще.

Тайную обитель Цанлин?

Они хотят отправить этого ребенка в Тайную обитель Цанлин?

Эти воспоминания относились к двадцати восьмилетней давности.

В том году в обитель прибыли всего два младенца: один — Тун Сан, а другой... он сам!

Лу Цы рефлекторно обернулся к Цзи Учжоу, но тот выглядел совершенно спокойно, на слова «Тайная обитель Цанлин» не отреагировал ни чем, словно это было название самого заурядного места.

Память продолжала течь.

Лу Цы не успел и подумать, как сцена перед глазами исказилась и рассеялась, превратившись в тихий берег реки в лунном свете.

На галечном берегу лежал небольшой деревянный таз. Женщина, которая раньше так твердо собиралась отдать ребенка, теперь сидела на корточках у таза, прижимая к себе сверток, и беззвучно плакала. Молодой муж одной рукой обнимал её, глядя по плечу, а другой касался щеки младенца, в глазах — невыносимая тоска.

— Он вернется, — сдерживая рыдания, произнес он, словно утешая жену, но, возможно, убеждая и себя. — Он вернется.

Решить — одно, а отдать своими руками — совсем другое. Вся логика разбивается о кровные узы.

Спустя долгое время жена наконец разжала руки, позволив мужу забрать ребенка и положить в таз. Он медленно толкнул таз по наклонной гальке в реку.

Таз немного покачался, затем выровнялся и, сверкая при луне, тихо поплыл по течению,

удаляясь всё дальше и дальше.

Однако, когда он уже почти скрылся из виду, младенец в тазу вдруг разразился громким плачем. Крики разрывали тишину на берегу, пронзая уши и сердце.

Жена вдруг вскочила, хотела бежать следом, но муж удержал её. Боль расставания с собственной плотью и кровью невозможно было сдержать, и она, глядя на уходящую на восток воду, рыдала, вторя далекому плачу ребенка.

...

Не то чтобы судьба насмеялась над ними, но уже на следующий год после того, как они отдали ребенка, мужу случайно удалось заработать небольшую сумму. На эти деньги он начал дело, а потом всё пошло как по маслу: торговля приносила доход, и через несколько лет он уже был богат.

В тот день, когда они должны были переехать в новый особняк в городе, супруги стояли во дворе этой бедной хижины, где прожили много лет, и долго смотрели на ветхую дверь.

За забором стояла телега, в которую погрузили немного имущества. Их старший сын, уже школьного возраста, высунулся из окна и пискнул:

— Папа, мама, мы уже не едем?

Муж обернулся, отозвался, а потом успокаивающе похлопал жену по спине:

— Не волнуйся, я найму человека присмотреть за домом. Сын, когда вернется, не потеряет новый дом.

Жена медленно кивнула, еще раз посмотрела с сожалением, потом повернулась и пошла за мужем к воротам.

Сцена перед ними снова изменилась.

Повозка медленно остановилась у ворот богатого особняка.

Над дверью висела широкая табличка.

<http://bllate.org/book/16826/1565337>